

DOI: 10.31857/S032103910008036-2

F.K. DROGULA. Commanders and Command in the Roman Republic and Early Empire. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2015. X, 422 p.

Автор рецензируемой монографии, ассоциированный профессор университета Огайо Фред Килдей Дрогула, является представителем современного поколения американских историков-антиковедов, учеником таких известных специалистов в изучении римских элит, как Элизабет Майер, Ричард Тальберт и Джон Лендон. Своими научными интересами он ближе всего именно к Лендону, также изучающему традиции римского аристократического этоса¹.

За последние два десятилетия вопрос о сути римского военного командования в его связи с империей и полномочиями провинциального наместника в науке поднимался неоднократно². Однако в рецензируемом исследовании юридические основания данных явлений последовательно связываются с социокультурными аспектами эволюции римского общества. В этом отношении монография характеризуется новаторским подходом. С другой стороны, данная работа является выражением той полемики, которую Дрогула ведет с вышедшим годом ранее исследованием Фредерика Вервата³, хотя в рецензируемой книге оно и не упоминается.

Монография состоит из предвведения, введения, семи глав, заключения, библиографии, указателя имен и названий. Во введении (с. 1–7) Дрогула поясняет методологические принципы, на которых основывается его исследование. Опираясь на зачастую недостоверные в деталях данные традиции, он отслеживает прежде всего «фундаментальные культурные концепции, которые намного старше тех текстов, в которых они появляются» (с. 6). Вопросы о методологии своего исследования автор касается и ниже, где говорит о своей приверженности «методу, предложенному Флауэр, которая решает проблему относительно источников путем определения истории Раннего Рима скорее как серии республик, чем одной республики» (с. 12, прим. 13)⁴.

Первая глава рецензируемой монографии (с. 8–45) называется «Понятие и традиции военного лидерства в раннем Риме (до 367 г. до н.э.)». Верхнюю хронологическую границу исследователь объясняет теми изменениями в политической жизни римского государства, которые обеспечили ему к этому времени установление контроля над военной активностью аристократических вождей территориальных и родоплеменных «кланов» (автор, на наш взгляд, явно архаизирует раннеримские реалии). Иначе говоря, Дрогула исходит из точки зрения о том, что законы Лициния и Секстия, регламентировавшие количество ежегодно избиравшихся военных предводителей, стали поворотным моментом в эволюции высшей военной власти у римлян. В начале этой главы Дрогула кратко рассматривает содержание продолжающихся дискуссий о достоверности анналистической традиции (с. 8–11). Автор пишет о возможных реконструкциях посредством данного источникового материала «концепций и традиций, которыми руководствовались римляне более поздних времен в вопросах осуществления военного командования, и сложившихся еще в эпоху Ранней республики». Стоит заметить, что данный подход вполне согласуется с авторитетным мнением, например, Т. Корнелла⁵.

Автор выражает сердечную признательность за помощь в работе над рецензией Ольге Владимировне Любимовой и Фредерику Джулиану Вервату.

¹ Прежде всего, это очень важная работа Lendon 1997.

² Rüpke 1990; Kallet-Marx 1995; Richardson 2008; Wesch-Klein 2008.

³ Vervaeke 2014.

⁴ Критическую рецензию на указанную работу Флауэр (Flower 2010) см. Korolenkov 2012, 192–197.

⁵ Cornell 2005, 50.

Далее, подвергнув критике распространенную трактовку возникновения консулата с его якобы изначальным соединением военной и гражданской власти (с. 15–19), Дрогула присоединяется к мнению тех исследователей, которые полагают, что консулат появляется лишь после 367 г.⁶, а все раннеримские военачальники независимо от происхождения их командирских полномочий именовались преторами (с. 19). Анализируя главным образом Ливия, Дионисия Галикарнасского и Феста, автор высказывает интересную мысль, что преторы времен архаики не обязательно были должностными лицами, но в большинстве случаев — вождями отдельных родовых, территориальных и даже совершенно случайных групп, действовавшими независимо от государства, частным порядком и во главе своих людей (с. 21–23, 31). При этом Дрогула допускает, что в качестве таких военных вождей могли выступать и изначальные трибуны, понимаемые им в качестве предводителей трех триб архаического периода (с. 24–26). Вместе с тем, как полагает ученый, в случае большой опасности, угрожавшей всему государству, периодически могло возникать общее командование, вручавшееся условному магистрату с полуофициальным титулом *praetor maximus* либо *magister populi* (с. 28).

Установление государством контроля над частной военной активностью «стихийных преторов», как, впрочем, и магистратов, вероятно, также именовавшихся преторами, Дрогула связывает с деятельностью децемвиров в 451–449 гг., но в еще большей степени с вышеупомянутыми законами Лициния и Секстия 367 г., вызванными к жизни, по мнению автора, территориальным ростом римского государства (с. 33). По оригинальному мнению автора, именно в связи с рогациями 367 г. полномочия военачальника впервые соединились с магистратскими (с. 42). В подтверждение этого интересного предположения автор приводит не только нарративный, но и отчасти эпиграфический материал, дополняя и развивая идеи Р. Бунзе и Г. Бека⁷.

В начале второй главы «Фундаментальные понятия власти в раннем Риме (до 367 г. до н.э.)» (с. 46–130) автор отмечает, что намерен рассмотреть применительно к сферам *domi* и *militia* (иначе: *belli*) три типа власти, отражаемые понятиями *potestas*, *auspiciu* и *imperium* (с. 47). Новой здесь является точка зрения об изначальном единообразии империя, кто бы им ни наделялся. Во всяком случае такая ситуация, по мнению Дрогулы, продолжалась вплоть до эпохи Августа (см. ниже). Впрочем, далее исследователь довольно мало обращается к содержанию *potestas*, очевидно, не считая таковую существенным компонентом власти полководца. Различия в подходах Дрогулы и Вервата особенно заметны в трактовке *imperium*: Верват отстаивает концепцию иерархического характера империя, различного для претора, консула и диктатора⁸.

Проанализировав свидетельства главным образом Цицерона, Авла Геллия и Диона Кассия по поводу *auspiciu* военачальников, Дрогула приходит к заключению, что хотя высшие магистраты избирались в центуриатных комициях, они тем не менее наделялись (после этого избрания) правом *auspiciu* и империем исключительно в куриатных комициях (с. 76–77). При этом автор решительно возражает против точки зрения тех ученых, которые полагают, что империй подразумевал как военную, так и гражданскую власть (с. 84). Здесь мы вновь обнаруживаем полемику с Верватом, придерживающимся более традиционной точки зрения о наличии в *imperium* магистрата также и компонента невоенной власти. Последняя у Дрогулы связывается с понятием *potestas*, которое для Вервата лишь общее обозначение законной власти магистрата в целом⁹. В целом Дрогула солидаризуется с Д. Даубе и Р. Митчеллом, доказывающими, что империй предполагал только военную власть и использовался в основном за пределами померия¹⁰. Дрогула полагает, что империй не был в принципе ограничен сроками и мог сохраняться у магистрата/промагистрата сколь угодно долго, если только не принималось специальное решение на сей счет или полководец не пересекал померий, вступая в Рим (с. 126–127)¹¹.

В третьей главе монографии «Понятие *provincia* в раннем Риме (до 367 г. до н.э.)» (с. 131–181) Дрогула отмечает, что в означенный период это понятие было лишено пространственного значения, обозначало собою сферу ответственности¹², и затем анализирует целый ряд примеров, которые, по его мнению, доказывают, что в период Республики *provincia* и *imperium* были тесно связаны и осуществление одного без другого было невозможно (с. 132–135). Хотя такая *provincia* обычно предполагала решение военных задач, Дрогула, ссылаясь на Ливия, обращает внимание, что иногда задание

⁶ Здесь и далее все даты — до нашей эры.

⁷ Bunse 2002, 421–422; Beck 2005, 63–70.

⁸ Vervae 2014, 11.

⁹ Vervae 2014, 18, 21–22.

¹⁰ См. Daube 1969, 3–4; Mitchell 2005, 157, n. 14.

¹¹ Верват же отстаивает точку зрения, что сохранение империя промагистрата обеспечивалось его официальным продлением (Vervae 2014, 58).

¹² По поводу дискуссии о терминах со значением «провинция» см. Freyburger-Galland 1996, 97–104.

могло иметь и несколько иной характер, как это было в 207 г., когда консул был отправлен без войска разобраться с подозрительным поведением этрусков и умбров, или в 173 г., когда претор-десигнат был отправлен в Апулию бороться с нашествием саранчи (с. 135).

Разобрав ряд примеров из истории Первой и Второй Пунических войн (с. 149–152), когда двум и более военачальникам поручалась одна *provincia*, автор заключает, что в этой ситуации вопрос о старшинстве решался через добровольное соглашение между командирами, а не через установление отношений подчиненности-старшинства. Здесь же автор использует такое понятие, как «приоритет» (*priority*) — определенное преимущество того или иного военачальника, обусловленное не его особым империем, а происхождением, возрастом, заслугами и т.д. Для тех же случаев, когда отдельная *provincia* назначалась лишь одному военачальнику, а другой направлялся ему в помощь, последний рассматривался как *adiutor*: «Таким образом, *imperator* и *adiutor* имели равную власть, но *imperator* нес главную ответственность (*provincia*), и его решения всегда имели приоритет в этой сфере» (с. 159). Здесь присутствует известное совпадение во взглядах с Верватом, хотя у последнего понятие *adiutor* не используется.

С *provincia* действующего военачальника Дрогула сравнивает *causa* диктатора, т.е. то, ради чего назначался диктатор с его исключительным в сравнении с остальными магистратами правом применять свой *imperium* внутри померия (с. 169–170). «Эффект обоих назначений был один и тот же: диктатор не мог делать со своим империем все, что хотел, подобно настоящему автократу, но подобно всем, наделенным империем, при осуществлении власти он был ограничен задачей или целью, назначенной ему государством» (с. 170). Однако вне померия, как полагает Дрогула, диктаторы обладали властью не большей, чем любой другой военачальник с империем, в принципе одинаковым для всех облеченных им военачальников (с. 176–179). Нетрудно заметить, что здесь автор вновь проблематизирует с Верватом относительно проблемы объема империя применительно к различным магистратурам (см. выше).

В четвертой главе «Развитие классической конституции (367–197 гг. до н.э.)» (с. 182–231) Дрогула, оговаривая характер тех изменений, которые в означенный период «сыграли существенную роль в развитии римской системы провинциального командования», обращает внимание на три важных обстоятельства. Во-первых, это разделение провинциального командования на условно высшее (консулат) и условно младшее (претурат). Условность здесь была связана с тем, что разница определялась не размером империя, а уровнем престижа (с. 227). Во-вторых, это расширение практики пророгации (здесь: продления полномочий военного предводителя, завершившего свою гражданскую магистратуру). И, в-третьих, это то, что в условиях Ганнибаловой войны римляне стали наделять империем лиц, не прошедших соответствующей магистратуры, — *privati cum imperio* (с. 183).

Дрогула возражает против мнения (к которому склоняется Верват), что в эпоху Ранней республики консулы якобы располагали *imperium maius*, в то время как преторы — *imperium minus* (с. 189–192). Свою позицию он аргументирует, помимо прочего, тем, что военачальники преторского ранга, действуя в кооперации с военачальниками-консулами, получали самостоятельный триумф (с. 198–199, 205). Лишь в том случае если претор действовал в рамках *provincia* консула, он мог быть его младшим партнером, но не подчиненным (с. 203–204).

Говоря о пророгации командирских полномочий (т.е. о продлении его *provincia*, так как его империй, с точки зрения Дрогулы и вопреки мнению ВERVATA, сохранялся и после истечения срока «провинциального поручения»), автор замечает, что впервые она имела место в 327 г., когда консулу Публилию Филону было позволено продолжить кампанию против Палеополя (с. 210–211), и, таким образом, Филон — «первый промагистрат в римской традиции» (с. 212). Пророгация имела то принципиально важное значение, что благодаря ей военачальник оказывался свободен от обязанностей гражданского магистрата. Однако еще большее значение для отделения власти военачальника от обязанностей и полномочий гражданских магистратур было, по мнению автора, возникновение практики назначения *privati cum imperio* (с. 223). Для исследователей военного лидерства и полководческого статуса в древнем Риме эти наблюдения, как нам кажется, весьма ценны.

В пятой главе «От командования к наместничеству» (с. 232–294) автор отмечает, что еще на стадии понимания провинции как военного задания римляне стали придавать командирским полномочиям и географические рамки, так как речь шла о театре военных действий, а после завоевания — об организации гарнизонной службы (с. 233). Первые провинции такого рода, которые Дрогула называет «перманентными», имели естественные географические границы (Сицилия, Сардиния, Корсика), что облегчало их восприятие в качестве пространственных (с. 234). Данное наблюдение Дрогулы в целом согласуется с мнением Ричардсона, хотя последний считает, что вплоть до времен Цицерона (!) словом *provincia* в основном обозначалось поручение сената полководцу, а не территория¹³.

¹³ Richardson 2008, 8, 24, 51, 54–55, 61, 79–86, 183.

После Первой Пунической войны римляне, по мнению автора, столкнулись на Сицилии с необходимостью удержания территории, на которую они не могли вывести колонии (с. 240–242). Фактически это означало переход Сицилии в разряд «перманентной *provincia*», для которой характерным было снижение статуса по сравнению с традиционной *provincia*, предполагавшей активные военные действия и перспективу получение триумфа. Отсюда следовало назначение наместником в такую «перманентную провинцию» не консула, а претора. Как пишет автор, «к 227 г. престиж преторы уменьшился, она обладала меньшим статусом, чем консулат, и это уже был уровень второстепенного военачальника» (с. 247). И далее: «Хотя это был медленный и постепенный процесс, который занял более столетия, приобретение Сицилии обусловило возникновение идеи, что *provincia* могла быть как военной кампанией, так и областью». С изменением характера части провинций Дрогула связывает и увеличение числа преторов во II в. (с. 249).

Впрочем, как считает автор, возможен был переход провинции из разряда перманентных в категорию традиционных (связанных с ведением наступательных действий) — в случае возникновения ситуации большой войны и массовых восстаний, как это было в 30–20-х годах III в. на Сардинии или в 90-х годах II в. в Испании, когда преторов в качестве военачальников здесь на время сменили консулы (с. 258).

Далее Дрогула рассматривает те ограничительные меры, которые предпринимались римским государством для введения провинциального командования в определенные рамки. Среди этих мер он, видимо, впервые в науке столь подробно рассматривает в тесной связи такие акты, как *senatus consultum* 169 г., *lex Calpurnia de repetundis* 149 г., *lex Porcia* и *lex de provinciis praetoriis* 100 г. (с. 278–289). Все они ограничивали возможность провинциального военачальника, превращавшегося в наместника, злоупотреблять властью, наносить неоправданный ущерб экономическим интересам провинциалов, а в итоге и покидать провинцию без крайней на то необходимости. Данные меры были далее закреплены в период Поздней республики с помощью *lex Cornelia de repetundis*, *lex Iulia de pecuniis* и *lex Iulia de provinciis* (с. 292). Важно, что все эти меры, по мнению автора, распространялись прежде всего на наместников преторского ранга как отвечавших за перманентные *provinciae* (с. 284). «Таким образом постепенное развитие концепции *provincia* трансформировало структуру римского государства с 241 по 100 г. до н.э.» (с. 294).

Шестая глава (с. 295–344) называется «Поздняя республика (100–49 гг. до н.э.)». Дрогула анализирует инициированный Гаем Граком закон 123/122 г., по которому перечень консульских провинций определялся до избрания консулов. Это изменило, по мнению автора, положение консулов по отношению к перманентной *provincia*, так как теперь они вынуждены были искать не скорейшего командования в ближайшей войне, а наместничества в тех провинциях, где имелась возможность такую войну развязать (с. 298–300). Дрогула, рассматривая примеры Цезаря, Помпея и Красса, резонно отмечает, что в I в. консульские *provinciae* становятся базой всех больших войн (с. 301). Однако изменение характера консульских провинций привело к тому, что возникла необходимость государственного контроля теперь уже по отношению к военачальникам/наместникам консульского ранга. Дрогула первым в науке обратил внимание, что *lex Antonia de Termessibus*, принятый в 68 г. и оговаривавший условия реквизиций и размещения войск в Писидии, налагал ограничения на действия полководцев-консулов, действовавших в это время на Востоке против Митридата (с. 302). При этом Дрогула проводит параллель между *lex Porcia* и *lex Antonia*, первый из которых объективно больше касался преторов, а второй — консулов.

Отдельно Дрогула рассматривает назначение в 107 г. народным собранием Марию в качестве *provincia* Африки. Это было не просто нарушение сложившегося порядка, когда подобные назначения делал сенат. Тем самым создавался прецедент манипулирования комициями для того, что автор называет *massive commands*, когда несколько перманентных *provinciae* сосредотачивались в руках одного консула. Дальнейшим развитием этого стало назначение Помпею в 67 г. *provincia* для борьбы с пиратами, а Цезарю — Цизальпинской Галлии и Иллирика в 59 г. (с. 308–310, 316, 317).

Дрогула отмечает, что «Поздняя республика стала свидетельницей еще одного изменения в характере римского провинциального командования: консулы и преторы стали приступать к руководству своими *provinciae* после завершения магистратуры, а не как это было раньше — в ходе ее отправления» (с. 314). При этом он критикует восходящую к Моммзену традиционную точку зрения, согласно которой *lex Cornelia* обязывал консулов оставаться в Риме до окончания срока их магистратуры. С этим трудно не согласиться: между 80 и 53 г. почти половина консулов покидала Рим ради исполнения своих военных функций еще до истечения срока магистратских полномочий¹⁴.

Еще одной проблемой, рассматриваемой Дрогулой в этой главе, является проблема развития империя в период Поздней республики. Складывание двух концепций *provincia* (удерживаемая

¹⁴ Giovannini 1983, 83–90.

территория и военное назначение) обусловило и возникновение (по сути неофициального) разделения империя на *maius* и *minus*. Объясняя возникновение идеи (но не правового закрепления) двух уровней империя, Дрогула обращает внимание, что Помпей в 67 г., в войне с пиратами должен был действовать и в чужих *provinciae*, что предусматривалось характером его полномочий (с. 320). Однако говорить о настоящем *imperium maius*, по мнению Дрогулы, еще рано (с. 325–327). Здесь мы обнаруживаем наиболее очевидное несовпадение позиций Дрогулы и Вербата. Для последнего концепция *summus imperium* («высшего империя») является вообще краеугольным камнем всей концепции империя в эпоху Республики¹⁵.

Логичным (в связи с рассмотрением концепции разных уровней империя) является далее обращение автора к вопросу о *legati cum imperio* Помпея и Цезаря. Дрогула разбирает распространенную при Республике практику назначения полководцами себе заместителей, которые действовали под их ауспициями. Однако отступлением от правила стало назначение Помпею, принявшему командование в войне с пиратами в 67 г., 24 легатов с империем, причем со знаками преторского достоинства (с. 332–333). Никто из этих легатов не получал собственной *provincia*, как это было и с Лабием, также легатом с империем, выполнявшим поручения Цезаря в Галльской войне (с. 334–336). Странно, однако, что при определенном сходстве статуса таких легатов с *adiutores* (см. выше) автор не прибегает к соответствующим сравнениям.

Седьмая глава (с. 345–373) называется «Манипуляции Августа традиционными идеями о руководстве провинциями». Единственной причиной, по которой Октавиан мог избегать пересечения померия, согласно Дрогуле, была следовавшая за этим формальная утрата империя. Собственно, именно целям решения проблемы сохранения империя (пусть и без права его применения в границах померия) служило последующее ежегодное избрание Октавиана/Августа консулом с 31 по 23 г. (с. 351). Как только Август в 23 г. добивается для себя права сохранять империй и после пересечения померия, он отказывается от консулата, оставаясь проконсулом и посредством регулярных пророгаций главой почти всех тех *provinciae*, которые обеспечивали вероятность командования в больших войнах (с. 358–360). По мнению автора, Август, принимая полномочия, лишь использовал соответствующие прецеденты республиканского времени (с. 355).

Привлечение Августом республиканского опыта Дрогула усматривает и в наделении императора в 23 г. *imperium maius*. Последний лишь теперь, по мысли автора, впервые получает настоящее правовое оформление (с. 361). О том, что Август считал себя обладателем высшего империя в сравнении с империем прочих магистратов и промагистратов, говорит казус с триумфом Марка Лициния Красса, консула 30 г., которому за победы в Македонии был назначен триумф в 27 г., но лишь при том, что и Август получил триумф за те же победы, как если бы империй и *provincia* Августа распространялись на *provincia* Красса (с. 353).

Наконец, Август использовал и опыт назначения *legati cum imperio*. Их аналогом, причем с империем, но без собственной *provincia*, Дрогула считает себя обладателем *legati pro praetore* (с. 356). Здесь автор, хотя и неявно, полемизирует с точкой зрения Вербата, считающего, что обладание *provincia* было меньшим основанием, чем *imperium* для обеспечения претензий полководца на триумф¹⁶.

Что касается сенаторских провинций, то, по мнению автора, Август хорошо понимал суть провинциального командования как источника престижа в среде римской знати. Принцепс ни в коей мере не противодействовал этому архетипическому по своей сути римскому пути продвижения в статусе. Он уловил стремление знати уже не столько к подлинным победам и славе, сколько к их внешнему выражению, принимавшемуся в качестве заслуженного (с. 367–368). Как отмечает автор, перманентные (т.е. географически выраженные) сенаторские провинции по своим наиболее существенным признакам соответствовали при Августе преторским провинциям эпохи Республики, но при этом наместничество в сенаторских провинциях, хотя и лишенных войск, было престижнее, так как наместник получал здесь кроме *provincia* также империй и ауспиции (с. 367).

В заключении (с. 374–382) Дрогула отмечает, что развитие концепции провинциального командования являлось ответом на военные потребности Рима (с. 377). Однако развитие этой концепции к концу периода Республики было поставлено на службу амбициям честолюбивых политиков. Следствием этого стал принципат Августа, который умело манипулировал концепцией провинциального командования. «Увеличивая престиж мирных провинций консульскими атрибутами и уменьшая престиж милитаризованных провинций невысокими званиями [наместников], Август старался дать аристократии повод примириться с его реформами» (с. 381).

Безусловно, монография Дрогулы представляет глубокое и оригинальное исследование римского военного лидерства. Автор опирается на широкий круг нарративных источников, хотя очень

¹⁵ Vervae 2014, особенно главы 2–4, 7.

¹⁶ Vervae 2014, 116.

ограниченно использует эпиграфические, археологические и нумизматические источники. Последнее можно объяснить тем, что Дрогула анализирует отражение эволюции римского мышления в аналитической традиции и трудах опиравшихся на нее авторов более поздних периодов. Между тем более активное использование нумизматического материала, возможно, позволило бы автору лучше соотнести, например, такие понятия, как «провинциальное командование» и «провинциальный военачальник», еще глубже проанализировать категории престижа, власти, статуса и т.д. в древнем Риме, также рассматриваемые в монографии. С другой стороны, в книге, пожалуй, впервые в мировой науке столь глубоко исследуются все составные элементы власти и авторитета римского полководца. Наиболее важным, на наш взгляд, является обнаружение американским исследователем признаков принципиальной однородности империя у всех категорий магистратов и промагистратов вплоть до эпохи Августа. Это, конечно, не отменяет аргументов Вервата, придерживающегося противоположной позиции, но побуждает нас вновь и вновь обращаться к проблеме сущности империя, его эволюции, видя в нем комплексную проблему, требующую дальнейшего исследования. Таким образом, монография Ф.К. Дрогулы отличается новаторским характером и открывает новые горизонты нашего понимания путей эволюции римской политической системы.

Литература / References

- Beck, H. 2005: *Karriere und Hierarchie: Die römische Aristokratie und die Anfänge des cursus honorum in der mittleren Republik*. Berlin.
- Bunse, R. 2002: Entstehung und Funktion der Losung (*sortitio*) unter den *magistratus maiores* der römischen Republik. *Hermes* 130, 416–432.
- Cornell, T.J. 2005: The value of the literary tradition concerning archaic Rome. In: K.A. Raafaub (ed.), *Social Struggles in Archaic Rome. New Perspectives on the Conflict of the Orders*. 2nd ed. Oxford, 47–74.
- Daube, D. 1969: *Roman Law: Linguistic, Social and Philosophical Aspects*. Edinburgh.
- Flower, H.I. 2010: *Roman Republics*. Oxford–Princeton.
- Freyburger-Galland, M.-L. 1996: La Notion de «*provincia*» chez Dion Cassius. In: E. Hermon (ed.), *Actes du colloque «Pouvoir et imperium», Québec, 24–26 août 1994*. Naples, 97–104.
- Giovannini, A. 1983: *Consulare imperium*. Basel.
- Kallet-Marx, R. 1995: *Hegemony to Empire: The Development of the Roman Imperium in the East from 148 to 62 B.C.* Berkeley–Los Angeles–Oxford.
- Korolenkov, A.V. 2012: [Six Roman republics instead of one? Rev.:] H.I. Flower. *Roman Republics*. Princeton–Oxford, 2010. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 192–197.
- Короленков, А.В. 2012: Шесть римских республик вместо одной? H.I. Flower. *Roman Republics*. Princeton–Oxford, 2010. *ВДИ* 4, 192–197.
- Lendon, J.E. 1997: *Empire of Honour: The Art of Government in the Roman World*. Oxford.
- Mitchell, R.E. 2005: The definition of *patres* and *plebs*: an end to the struggle of the orders. In: K.A. Raafaub (ed.), *Social Struggles in Archaic Rome: New Perspectives on the Conflict of the Orders*. 2nd ed. Oxford, 128–167.
- Richardson, J.S. 2008: *The Language of Empire. Rome and the Idea of Empire from the Third Century BC to the Second Century AD*. Cambridge.
- Rüpke, J. 1990: *Domi militiae: Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom*. Stuttgart.
- Vervaet, F.J. 2014: *The High Command in the Roman Republic. The Principle of the summum imperium auspiciumque from 509 to 19 BCE*. Stuttgart.
- Wesch-Klein, G. 2008: *Provincia: Okkupation und Verwaltung der Provinzen des Imperium Romanum von der Inbesitznahme Siziliens bis auf Diokletian*. Münster.

Sergey V. Telepen',

S.B. Телень,

Mozyr State Pedagogical University
named after I.P. Shamyakin,
Mozyr, Belarus

к.и.н., Мозырский государственный
педагогический университет им. И.П. Шамякина,
Мозырь, Беларусь

E-mail: telepen_serg@mail.ru